

# Содержание

## *Часть первая*

Глава 1. Воронеж — Москва . . . . .	6
Глава 2. Бельцы — Казахстан . . . . .	17
Глава 3. Бричева — Приднестровье . . . . .	40
Глава 4. Мекнес — Валенсия — Рио — Буэнос-Айрес — Алеппо . . . . .	71
Глава 5. Урал . . . . .	90
Глава 6. Ковров . . . . .	101
Глава 7. Израиль . . . . .	119
Глава 8. Шанхай . . . . .	131

## *Часть вторая*

Глава 1. Филадельфия — Витебск — Москва . . . . .	144
Глава 2. Амстердам — Кельн . . . . .	167
Глава 3. Украина — Польша . . . . .	197
Глава 4. Будапешт — Вена . . . . .	222
Глава 5. Япония . . . . .	243
Глава 6. Нью-Йорк . . . . .	255

## Часть первая

## ГЛАВА 1. ВОРОНЕЖ — МОСКВА

— Мамку-то твою как звать?

— Марина.

— А папку?

— Миша.

— Миша? — Женщина глядит с недоверием. — А по отчеству?

— Исаакович.

— Ах, Иса-а-а-а-акович...

— Да. И мама тоже Исааковна!

— Ну да, у вас там небось все Исааковичи.

— И бабушка. Бабушка — Неся Исааковна. Мы ее называем Неля. А вот дедушка — не Исаакович. Дедушка Исаак Львович.

Больница под Воронежем, инфекционная палата, вода, пахнущая одновременно хлоркой и дизентерией. У меня тоже дизентерия. Заразился в пансионатной столовой на папин тридцать шестой день рождения. Мне, стало быть, семь. Через полтора месяца исполнится восемь. Все мое детство летние каникулы означали отдых с родителями и большой компанией их друзей. Пярну, Геленджик, Чебаково озеро под Волгоградом. А на этот раз — никакой компании, отпуск втроем. Мама, папа и я. Предвестье того, что будет потом, на другом конце света, где тоже ни друзей, ни родни, только мы, the three of us, а дальше я вырасту, обзаведусь собственной семьей, и три превратится в два. Отпуск вдвоем, праздники вдвоем, я — далеко. Далекое и сейчас: в палате, куда не пускают, потому что мне уже семь, должен быть самостоятельным, большой уже мальчик. Соседи — мамы с грудничками, это они спрашивают про отчество. Палата на десять человек, у всех кишечная палочка. Последнее, что помню перед затмением, — папино лицо, когда мы сидели

в приемном покое. Он смотрел на меня полными страха глазами, и мне подумалось, что лицо у него зимнее, как бывало в снежном лесу, где мы с ним катались на лыжах, и все дело, видимо, в этом: вокруг лето, жара, а лицо зимнее — пылающее и бледное. Хотя пылал я, а не он. А он то и дело прикладывал руку к моему лбу: температура за сорок. Прости, папочка, что испортил тебе день рождения. С утра открыли банку красной икры, которую специально привезли с собой из Москвы. Праздничный завтрак — это обычный пансионатский завтрак плюс икра. Из столовки в нашу избушку (каждой семье отведен отдельный домик) возвращался на ватных ногах. «С утра уже был ватный», — докладывал папа санитарам скорой помощи. Зимнее лицо, а звуки все приглушенные, в ушах — тоже вата.

Хуже всего пахнет от домофоника в коридоре. Утомительный запах болезни. Сосущий, как боль в желудке. От домофоника он распространяется по всему коридору, а оттуда проникает в палату. Так мне кажется, хоть я и понимаю, что дело не в домофонике: это просто запах больничной воды. «Ну, чего тут маячишь?» — раздражается медсестра. Для нее пациент — полный ноль. Ноль с кишечной палочкой. Палата — на десять человек, но каждое койко-место здесь занято сразу двоими, дизентерийным грудничком и его родительницей, с любопытством поглядывающей на жиденка в правом углу, перешептывающейся с другими мамашами: «Из Москвы, говорит... еврей... это еврей...»

На третий день последнюю пустующую койку занимает двенадцатилетний парень из соседней деревни. Его подобрали на базаре: потерял сознание. Про него тоже шепчутся. «Тяжелый случай». Я не знаю, насколько тяжелый, но с его появлением мне становится легче, потому что он сразу берет на себя роль старшего друга и сиделки. Развлекает меня несмешными анекдотами и неприличными историями, которые он называет

сказками. По ночам, когда я плачу и зову маму, он всегда просыпается, садится на край моей койки. «Ну чего ты ревешь, как маленький? Ты ж не маленький, ты же большой. Вот смотри, какая машинка. Мы на ней к твоей мамке поедem. Поедем? Ну вот. А ты ревешь...» Эта машинка — общего пользования. Мне строго-настрого запрещено трогать больничные игрушки, они — источник заразы. А ему, видимо, можно, для него эти игрушки опасности не представляют. И так ведь уже подхватил все что можно. Тяжелый случай. Смуглая кожа. Нет, не смуглая, просто давно не мылся. В деревне квартир с санузлами нету. Общественная баня, парилка, шайки. Я был в такой, когда гостил на даче у дяди Сени в Малаховке. Нет-нет, в такой, как у них, я точно не был. У них в деревне баня — всем баням баня. Мы туда тоже на этой машинке поедem. Ночью я стараюсь плакать тихо, чтобы его не будить, но он сразу просыпается, встает по первому всхлипу. «Ну чего ты, чего ты...» Когда меня выпишут и я расскажу маме о своем опекуне, она ответит растроганно-сентенциозно: «Знаешь, в глухих деревнях такие люди часто встречаются. Добрые, отзывчивые. Или раньше встречались. Теперь-то их, кажется, вообще на свете все меньше и меньше. Тебе повезло». Мама родом из Владимирской области. Исааковна.

В больнице я провел чуть больше недели. Родители добивались, чтобы меня выписали, но местные врачи были непреклонны. У них тут бушует эпидемия кишечной палочки, они не справляются. Санэпидемстанция требует изолировать всех больных до их полного выздоровления. Могут ли мои родители гарантировать, что я полностью выздоровел? Нет, не могут. Потому что это решать не им, а главврачу. «Вы же сюда отдыхать приехали? Вот и отдыхайте. А ребенок у нас полежит, ничего ему не сделается. Выздоровеет — выпишем». После недели таких переговоров мама решила, что пора принимать экстренные меры: позвонила

дедушке. Всемогущий дедушка Исаак Львович приехал из Коврова на двадцать четвертой «Волге» с водителем. Дедушкин водитель Рудольф славится тем, что может доехать от Коврова до Москвы за три часа, а то и меньше. Интересно, сколько времени у него заняло примчаться сюда? Дедушка! Я увидел его через больничное окно. Дедушка! Моих возгласов он слышать не мог. Но я помню, как он повернул голову, увидел меня в окне палаты на первом этаже и, подойдя, уперся лбом в стекло. «Аленька, привет!» Гладко выбритые щеки, высокий лоб с аккуратной разметкой морщин, надо лбом — высокая стрижка, волнистые волосы с проседью зачесаны вверх и назад. Даже мешки под глазами, и те аккуратные. Дедушка всегда подтянут, от него приятно пахнет одеколоном. Он бреется трехножевой электробритвой «Бердск», которую хранит в кожаном футляре. От его электробритвы тоже приятно пахнет, люблю этот запах. К тому моменту, как мы встретились через окно, он уже обо всем договорился. Пришел забрать меня из больницы. Так же просто, как забирал из школы. Санэпидемстанция и главврач Михалсаныч возражать не стали (почему, спустя столько лет, я все еще помню, что воронежского главврача, которого я, кажется, и в глаза-то не видел, звали Михаилом Александровичем?).

\* \* \*

Моя бабушка Неся (для своих — Неля) Исааковна — тоже врач. Педиатр, мало сказать — педиатр-реаниматолог. С надбавкой «за вредность». У нее короткая стрижка, волосы с проседью какого-то особого оттенка — серебристый с голубоватым отливом. Полная пожилая женщина, с круглым лицом. Не могу себе представить ее молодой и потому, когда в руки мне попала старая фотография, я не удивился: на ней — незнакомая молодая женщина, не имеющая к бабушке никакого отношения. Та женщина была в белом халате

и шапочке, со стетоскопом в ушах. Слушала пациента. Стетоскоп. Он в детстве был, а вот белого халата на бабушке не припомню. В Коврове она заведовала отделением педиатрической реаниматологии. А уже на пенсии, переехав в Москву, устроилась на полставки школьным врачом. Рассказывала про «своих» школьников, и я понимал, что многие из ее рассказов отчасти или полностью выдуманы, и ничуть не возражал против этого, любил подыгрывать. В журнале «Здоровье» — истории про чумазого мальчугана по имени Стобед. Бабушка читает их мне вместо сказок на ночь. Этот Стобед вечно шkodит, бедокурит — и вечно чем-нибудь заражается. Тяжелый случай. Что ни выпуск, новый диагноз, точь-в-точь Доктор Хаус. Коллекция инфекционных заболеваний. Продолжение — в следующем номере. Я и сам коллекционирую: желтуха, ветрянка, свинка, коклюш, дизентерия... Всем этим я болел. Когда-нибудь, бабушка, я тоже стану врачом. И даже отправлюсь в Африку, где моя коллекция пополнится еще малярией и амебиазом. Но вы со Стобедом этого уже не застанете.

«Шереток, шереток, шереток», — шепчет бабушка, заговаривая боль. В руках у нее наперсток. Зашивает, заживает, заживет. До свадьбы — точно. Нивроку, нивроку. Шереток, шереток... Дальше — скороговорка на неведомом мне языке «романы чиб». Заговор на все случаи жизни. Давным-давно, когда бабушка была девочкой и жила в Румынии, она подслушала его у одной цыганки. Там, где современная медицина бессильна, в ход идет «шереток», на него вся надежда. На кухонной стене висит медная чеканка «Жар-птица». Ее подарила семья мальчика, которому бабушка спасла жизнь. Пока в реанимации много дней подряд шла борьба за жизнь ребенка, его отец сидел дома и чеканил. В итоге мальчик выжил, и бабушка получила в подарок «Жар-птицу». Что это была за борьба? Что переживала бабушка во время ночных

дежурств? Нашептывала ли «шереток, шереток», сидя у постели больного?

Шереток, шереток... Дверь, обитая пухлым черным дерматином. Навсегда любимый запах подъезда ранней весной — смесь окурочно-пыльной затхлости с от-тепельной свежестью. Мы с дедушкой спускаемся по лестнице. Он что-то говорит, прибавляя к каждому третьему слову частицу «-то». «Я-то сейчас-то на службу, а потом, ближе-то к вечеру мы с тобой и с бабушкой-то что-нибудь поделаем». Мне, восьмилетнему, приходит в голову, что, возможно, это избыточное «-то» — остаток его румынской речи. Как и непривычные ударения в некоторых словах. Как, например, в слове «арбуз». Дедушка говорит «áрбуз» — что-то южное. Больше никаких признаков того, что русский язык он выучил уже во взрослом возрасте, я не заметил. Ни тени акцента, вот что поразительно. Так же и у меня с английским. Но я попал в Америку в одиннадцатилетнем возрасте, а он в СССР — в восемнадцать, когда от акцентов уже, как правило, не избавляются. Он — избавился. «Арбуз» с ударением на первом слоге — вот и все, что осталось от его детства, прошедшего на другом языке. Так же как у меня — слово «garage», которое я долгое время произносил как «гэ́рэдж», ударяя на первом слоге, вместо правильного «гэра́ж». В остальном чужая речь полностью освоена и одомашнена, а родная (для меня — русская, для него — румынская) остается за кадром. Но я еще стараюсь говорить со своими детьми по-русски (и они, как водится, отвечают мне по-английски). Дедушка же не говорил по-румынски никогда — ни с моей мамой, ни даже с бабушкой, хотя последнее было бы естественно, ведь румынский был родным для них обоих. Это был способ выживания, единственно возможный механизм адаптации. И моя мама унаследовала его: через несколько лет после переезда в Америку полностью перешла на английский, даже в общении со мной и с папой. Так ей было нужно.